
Глава 10

СЕВЕРНАЯ КОММУНА

В свое время, в марте 1918 г., Зиновьев выступил против переезда правительства в Москву, допетровскую столицу России, прекрасно понимая, что перенос столичных функций туда, а не в какой-то другой, менее центральный и менее значительный город (Зиновьев предлагал Нижний Новгород) сокращает шансы на возвращение их когда-нибудь Петрограду. Уже после переезда он настаивал, что поскольку в глазах русского народа Петроград все еще остается столицей, Советскому правительству нужно будет поделитьственные полномочия между Петроградом и Москвой (1). (Этот взгляд разделяли и другие известные петроградские большевики, в том числе Стасова (2).) Чуть позже, в начале апреля, вернувшись с сумбурного пленума ЦК в Москве, Зиновьев, Лашевич и Иоффе пришли к убеждению, что центральное руководство партии парализовано и всерьез нуждается в подкреплении из Петрограда (причиной паралича являлся острый, незатухающий конфликт между ленинским ЦК и Совнаркомом и находившимися под контролем «левых коммунистов» Московским областным бюро и руководством области) (3). Впоследствии собственный опыт усилил и общую напряженность в их отношениях с Москвой, и их подозрение, что многие решения (особенно в области внешней политики), которые они бы не одобрили, принимаются за их спиной (4). Кроме того, военные соображения, а также положение дел с продовольствием и здравоохранением требовали укрепления петроградского руководства если не в национальном, то в областном масштабе.

Формированию областного правительства предшествовало создание областной организации РКП(б) для координации партийной работы в Северной области. 20 марта Петроградское бюро ЦК большевиков приняло решение объединить партийные комитеты северо-

западных губерний России в единую партийную организацию Северной области. С этой целью 3–6 апреля в Петрограде состоялась конференция представителей партийных организаций Петроградской, Архангельской, Вологодской, Новгородской, Олонецкой и Псковской губерний (5). На этой конференции, получившей название Первой партийной конференции [большевиков] Северной области, был сформирован представительный Северный областной комитет РКП(б) — руководящий партийный орган в Северной области (6).

Одновременно Совет комиссаров Петроградской трудовой коммуны (СК ПТК) начал готовить съезд Советов Северной области (7). Этот съезд состоялся в Петрограде 26–29 апреля. Поскольку его результат (создание областного правительства) был известен заранее, интерес он представлял, главным образом, из-за спора, который разгорелся на нем между Зиновьевым и известным петроградским левым эсером Яковом Фишманом по поводу структуры нового правительства и участия в нем левых эсеров.

23 марта СК ПТК, в ответ на проявленную заинтересованность со стороны левых эсеров, дал добро на переговоры о включении их в состав областного правительства (8). Эти переговоры явно прошли успешно. 11 апреля, выслушав отчет Зиновьева, СК ПТК вновь подтвердил свой интерес к созданию коалиции с левыми эсерами и определил портфели, которые мог бы им предложить («земледелия, путей сообщения и внутренних дел, [но] ни в коем случае не... военных дел») (9). За неделю до открытия Первого съезда Советов Северной области Зиновьев провел соответствующие переговоры с руководством петроградских левых эсеров (10).

Однако за день или два до съезда большинство делегатов Второго Всероссийского съезда партии левых эсеров (проходил в Москве с 17 по 23 апреля) (11), после недельных остройших дебатов по поводу того, выходить или нет из Совнаркома в связи с подписанием Брестского договора, приняло решение о выходе. В то же время, членам партии левых эсеров было рекомендовано активно участвовать в других государственных структурах на общероссийском и региональном уровне (12). Открытие Первого съезда Советов Северной области совпало также с появлением новой серьезной военной угрозы, связанной с фортом Ино (13). Как мы помним, руководство Петрограда опасалось, что эта угроза является прелюдией к нападе-

нию немцев на их город, и потому немедленно заявило о своей решимости защитить Ино «во что бы то ни стало» (14). Неудивительно, что свой доклад о деятельности СК ПТК в первый день съезда Зиновьев начал с подтверждения взятого обязательства. Далее, предвосхищая центральную тему ленинских «Очередных задач Советской власти» (15), он перечислил стоящие перед Петроградом серьезные проблемы и заключил, что разрешить их можно только с помощью установления в области крепкой диктатуры, дисциплины, безусловного подчинения и революционного единства.

Эти соображения «безусловного подчинения» и «революционного единства», вкупе с продолжающимся левоэсеровским бойкотом Совнаркома, явно стали катализатором яростной атаки, с которой Зиновьев обрушился на левых эсеров. Возможно также, он старался не отстать от Ленина, недавно презрительно отзавшегося о левых эсерах. Так или иначе, Зиновьев обвинил их в лицемерии, обмане и саботаже. Отказавшись поддержать ратификацию Брестского договора, они, по его мнению, совершили «роковую ошибку» и, как следствие, утратили поддержку масс. Они также ошибались, полагая, что могут выйти из Совнаркома и при этом продолжать сотрудничать в других советских структурах. В сложившихся условиях база для успешного политического сотрудничества большевиков и левых эсеров оказалась подорвана. Петроградские левые эсеры оказались перед выбором: либо работать вместе с большевиками на всех уровнях, либо покинуть все советские органы, примкнуть к контрреволюции и попытаться свергнуть большевиков. Отсутствие ясности в политике левых эсеров, как в очередной раз подчеркнул Зиновьев, недопустимо. Однако при этом он, несколько противореча самому себе, заявил, что если левые эсеры захотят участвовать в правительстве Северной области, они будут приняты при условии, что они намерены не «саботировать» политику большевиков, а работать с ними в тесном контакте и поддерживать постановления центрального правительства и Четвертого Всероссийского съезда Советов (иными словами, способствовать выполнению условий Брестского договора) (16).

В связи с тем что настойчивые просьбы левых эсеров обсудить доклад Зиновьева немедленно были отвергнуты большевистским большинством (17), только в последний день съезда, 29 апреля, док-

ладчик от левых эсеров Яков Фишман получил возможность ответить на его выпад. Тем временем, более здравомыслящие головы, сознавая всю важность помохи левых эсеров в деле выживания Советской власти в северо-западном регионе, договорились об их участии в областном правительстве (18). Несмотря на это, Фишман, известный как пламенный оратор, не стал смягчать риторику, отвечая Зиновьеву (19). Ухватившись за пылкое обещание Зиновьева во что бы то ни стало отстоять форт Ино, Фишман заявил, что до тех пор пока Петроградская коммуна остается верна этому обязательству, большевики и левые эсеры едины. По этому вопросу, центральному в конфликте большевиков и левых эсеров, у петроградских большевиков могут быть разногласия с Совнаркомом в Москве, но никак не с левыми эсерами. По мысли Фишмана, общая решимость защищать любой ценой Петроград обеспечивала большевикам и левым эсерам вполне прочную базу для сотрудничества.

По поводу «саботажа» левых эсеров, Фишман спрашивал, как большевики себе представляют, этот «саботаж» будет проявляться. Если они имеют в виду, что левые эсеры будут требовать социализации земли вместо «огородничества» и подлинного рабочего контроля вместо приглашения экспертов из представителей торгово-промышленных кругов, то тогда левые эсеры саботажники (здесь Фишман намекал на пропаганду разведения на открытых пространствах в городе и окрестностях огородных культур как средства борьбы с продовольственным кризисом и на использование в военной и промышленной области в качестве платных советников буржуазных специалистов).

В ответ на вывод Зиновьева о том, что выход левых эсеров из Совнаркома якобы естественным образом влечет за собой их неучастие в областном правительстве, Фишман пояснил, что у этого акта была единственная причина: Четвертый Всероссийский съезд Советов принял резолюцию (о ратификации Брестского договора), которая, убеждены левые эсеры, поставила Октябрьскую революцию в совершенно безнадежное положение. Следовательно, оставаясь в Совнаркоме, левые эсеры оказались бы соучастниками политики, которая, по их мнению, ведет к удушению революции. Совнарком в Москве, продолжал Фишман, будет вынужден выполнять условия Брестского договора. Пусть так. Это не означает, что левые эсеры

должны порвать с большевиками. Они не утратили веры в большевиков. Больше́вики сказали, что Советская Россия получит мирную передышку на одну-две недели, и, если условия окажутся нестерпимыми, она разорвет договор. Если так, сказал Фишман, то левые эсеры могут участвовать в областном комиссариате «со спокойной душой». «Там вы не будете проводить в жизнь мирного договора, вы будете обмениваться только нотами с германскими представителями, и мы вам всецело предоставляем это приятное дело», — пояснил он, усмехаясь. В общем, пока большевики хранят верность разделяемым обеими партиями революционным принципам, заявил Фишман, левые эсеры будут рады работать с ними вместе.

Далее Фишман рассказал о том, как петроградские левые эсеры представляют себе Советскую власть в целом и структуру будущего областного правительства, в частности. Здесь контраст между Фишманом, выражавшим господствующее мнение левых эсеров Петрограда, и Зиновьевым, который теперь, как и Ленин, пренебрегал демократическими принципами и видел спасение революции в строгой дисциплине и централизованном управлении, был весьма значительным. В основе левоэсеровского представления о власти, как его сформулировал Фишман, лежала стойкая вера в способность рабочих и крестьян, организованных вокруг демократических Советов, двигать вперед революцию. Подлинная Советская власть и революционная демократия должны непременно опираться на здоровые социальные силы, а именно, те элементы городского и сельского населения, которые живут собственным трудом. Так как городской пролетариат переживает процесс миграции из города в деревню, главной социальной базой революционного правительства должен стать по-прежнему многочисленный, здоровый и политически дееспособный класс российского трудового крестьянства (то есть, среднего и беднейшего, своим трудом возделывающего небольшие наделы земли — в отличие от более крупных собственников, использующих наемный труд). Поскольку этот класс жив и здоров, нет необходимости привносить в советскую систему чисто бюрократические институты или вводить диктатуру партийных комиссаров. Причиной этой болезни, развившейся в эпидемию, стало то, что естественная социальная база большевиков в среде промышленных рабочих утратила былую силу и сплоченность. Чтобы компенсировать это, вводится

диктат партийных чиновников, подменяющий собой классовую демократию, осуществляемую через свободно избранные, представительные Советы. Фишман считал крайне важным повернуть вспять этот процесс. (На неофициальном уровне правящие петроградские большевики во главе с Зиновьевым, конечно, были и сами озабочены растущей изоляцией Советов от их трудящихся избирателей и надеялись исправить ситуацию с помощью беспартийных рабочих конференций (20).)

Выдвинутые Фишманом от лица левых эсеров предложения по структуре областного правительства вытекали из признания властного приоритета представительных, подконтрольных народу, демократически избранных и действующих Советов. Так, он считал, что СК ПТК следует упразднить, а главным органом власти в Северной области должен стать Исполнительный комитет съезда Советов. Его нужно сделать гибким и эластичным, его члены должны в любой момент подлежать отзыву со стороны избирателей, с тем чтобы он всегда являлся отражением народной воли. В состав его должны входить отделы, соответствующие существующим комиссариатам. Над отделами должен быть установлен прямой и полный контроль. Возглавлять отделы должны члены исполкома, не образуя при этом отдельного руководящего органа. (Предполагалось, что на местах власть будут осуществлять имеющие такую же структуру и подконтрольные демократически избранным Советам местные исполкомы.) Если все это сделать, подытожил Фишман, исполнительные комитеты не будут такой же фикцией, какой стал ВЦИК в Москве, и массы вновь окажутся вовлечены в политическую жизнь страны и революции (21).

Затем делегатам для голосования были предложены две резолюции, касающиеся структуры правительства Союза коммун Северной области (как часто называли Северную область, или, более кратко — Северная коммуна). Одна включала радикальные (можно сказать — донкихотские) предложения Фишмана. Другая, представленная большевиками, предлагала следовать существующим моделям Советской власти. Кроме того, большевистская резолюция обещала, что новое правительство будет придерживаться курса, взятого на Четвертом Всероссийском съезде Советов, выполнять решения всех предыдущих съездов Советов (что бы это ни значило) и рабо-

тать в тесном сотрудничестве с Совнаркомом и ВЦИКом. Счет в голосовании был 45 — за резолюцию левых эсеров к 82 — за резолюцию большевиков (22).

В состав избранного 29 апреля Совета комиссаров Северной области (СК СО), вошли следующие большевики: Зиновьев (председатель), Шейман (финансы), Луначарский (просвещение), Крестинский (юстиция), Урицкий (внутренние дела), Залуцкий (труд), Володарский (печать), Малышев (экономика), Лилина (призрение), Анвельт (национальности), Первухин (здравоохранение), Позерн (военные дела) и Восков (продовольствие) (23). В начале мая к ним присоединились четверо левых эсеров: Прошьян, сменивший Урицкого на посту главы комиссариата по внутренним делам и Комитета революционной охраны Петрограда (Урицкий остался главой ПЧК); М. Д. Самохвалов (областной контроль); Николай Корнилов [Кирилл Коренев] (земледелие) и Леонид Беклешов (почта и телеграф) (24).

Большевики не только уступили левым эсерам четыре поста в новом правительстве вместо трех, как первоначально планировалось, но и продемонстрировали открытость в том, что касалось взаимоотношений между институтами нового областного правительства. Согласно резолюции, принятой 14 мая Центральным исполнительным комитетом Северной области, в период между съездами Советов Северной области руководящим и контролирующим органом в регионе являлся ЦИК, состоящий из 25 большевиков и 14 левых эсеров. СК СО становился его исполнительным комитетом. Все члены ЦИК СО распределялись между комиссариатами и должны были собираться на заседания не реже двух раз в месяц. Члены СК СО, не входившие в состав ЦИКа, получали в нем лишь право совещательного голоса (25). На первый взгляд, эта схема представляла собой попытку снять опасения левых эсеров по поводу безграничной власти комиссаров и доказать превосходство ЦИК над СК СО. Как бы то ни было, о ней быстро забыли. На практике, как и в случае с центральным ВЦИКом, ЦИК СО был подчинен Совету комиссаров Северной области, который, располагаясь в Смольном, по сути, произвольно принимал решения и издавал указы, касающиеся Петрограда и прилегающего к нему региона. В то же время, создание СК СО и ЦИК съезда Советов Северной области еще больше запутало систему управления Петроградом, добавив новый слой институтов,

претендующих на власть в городе. Ситуацию несколько упрощало (но не разрешало) то, что руководящие посты и в СК СО, и в СК ПТК, а также в президиуме и исполкоме Петроградского Совета часто занимали одни и те же люди, а председателем везде был Зиновьев (26).

Дебаты между Зиновьевым и Фишманом на Первом съезде Советов Северной области, оказавшиеся, в ретроспективе, центральным моментом съезда, явились наглядной иллюстрацией как связей, объединяющих большевиков и левых эсеров, так и глубоких различий между двумя партиями. Для петроградских большевиков, испытывающих острый кадровый голод, левые эсеры были источником энергичных, грамотных работников, зачастую бесконечно более преданных делу революции, чем набранные без разбора и в спешке новые члены большевистской партии. В период после съезда Советов Северной области левые эсеры в Петрограде оставались активны и даже расширили свое влияние в отдельных комиссариатах, в ПЧК и в таких институтах городского управления, как Петросовет и районные Советы.

Дальнейшие события покажут, что Фишман не кривил душой, когда заявлял, что левые эсеры все еще верят в большевиков. Конечно, большинство левоэсеровских лидеров в Петрограде считали Брестский договор позорным предательством по отношению к мировой социалистической революции. Тем не менее, большевики для них по-прежнему были героическими творцами «Октября». У них оставалось здоровое ядро — «левые коммунисты», с которыми у левых эсеров было особенно много общего. Казалось, что под их напором и вся большевистская партия неизбежно вернется на революционный путь, с которого она свернула, и обе партии вместе будут работать на благо мировой революции. Альтернативы — повернуть против большевиков, то есть, по сути, примкнуть к контрреволюции, или продолжать бороться в одиночку — были для петроградских левых эсеров неприемлемы. Ведь еще буквально накануне, на втором съезде левых эсеров, их новая и в организационном смысле слабая партия едва не развалилась.

В то же время, полемика между Зиновьевым и Фишманом показала, что по ряду серьезных программных принципов между большевиками и левыми эсерами существовало значительное расхожде-

ние. Большевистское руководство видело решение проблем, связанных с непрекращающимся хаосом в экономической и политической жизни страны и угрозами внешних и внутренних врагов, в диктатуре, институциональной централизации, использовании технического опыта буржуазных специалистов и офицеров царской армии и продлении даваемой Брестским миром «передышки» в войне с Германией фактически любой ценой. Для левых эсеров, которые были преданы идеалу рабоче-крестьянской власти, осуществляемой через демократические Советы, и которые видели единственную надежду на выживание русской революции в всемирном восстании трудящихся, такие политические методы были отвратительны.

* * *

Озабоченность левых эсеров по поводу направления большевистской политики вскоре после создания Северной коммуны усилили два обстоятельства. Первым стала носявшая программный характер новая работа Ленина, «Очередные задачи Советской власти», опубликованная в «Правде» и в специальном приложении к «Известиям» 28 апреля, а также в сжатом виде изложенная в докладе, с которым он выступил на заседании ВЦИК 29 апреля (последний день съезда Советов Северной области) (27). Работа представляла собой развернутый ответ на тезисы «левых коммунистов», представленные ими во время дискуссии с ленинским большинством в ЦК 4 апреля и опубликованные в «Коммунисте» 20 апреля (28). Это также был ответ Ленина левым эсерам и их нападкам на внутреннюю и внешнюю политику большевиков, прозвучавшим на Втором съезде партии левых эсеров. Высказав уверенность, что деструктивная стадия революции, связанная с уничтожением власти крупнейшей буржуазии и помещиков, в основном завершилась, Ленин определил «очередные», более важные, задачи Советской власти как приостановку наступления на капитал и ликвидацию хозяйственной разрухи — с целью восстановления экономической и военной мощи России. Эти задачи требовали неукоснительного исполнения постановлений Советского правительства, подчинения отдельным диктаторам (комиссарам), использования платных «буржуазных специалистов»,

введения вновь единоличия в управлении, трудовой дисциплины и прочих «капиталистических» мер в промышленности, таких как восстановление стимулирующей дифференцированной оплаты труда. Ленин называл эту смешанную экономическую систему «государственным капитализмом» и не скрывал, что за образец взял германскую экономику военного времени. Все эти ленинские идеи были несовместимы с взглядами левых эсеров, как дал понять Карелин на заседании ВЦИК 29 апреля. На этом заседании, в отличие от письменной работы, Ленин уделил гораздо больше внимания критике левых эсеров за их непонимание требований момента — факт, который Карелин, занятый оспариванием фундаментальных ленинских положений, упорно не замечал (29).

Среди петроградских левых эсеров ленинские «Очередные задачи Советской власти» вызвали большой переполох. Седьмая городская конференция петроградских левых эсеров 3 мая поддержала решение Второго съезда партии о выходе, в знак протеста против Брестского мира, из Совнаркома; она также одобрила пребывание левых эсеров в составе Совета комиссаров Северной области «до тех пор, пока этот совет в целом не отступит от лозунгов Октябрьской революции». Кроме того, конференция одобрила принятые левоэсеровской фракцией ВЦИКа «тезисы», которые были направлены против ленинского «нового курса», особенно той его части, которая касалась развития «деловых» отношений с буржуазией и введения диктатуры в политике и управлении экономикой. Вслед за Карелиным, остро критиковавшим ленинскую работу на заседании ВЦИК 29 апреля, эти тезисы обвинили новую программу в систематическом отступлении от принципов, лежавших в основе Октября, в сознательном отступлении от курса на социальную революцию, вытекающем из ошибочной оценки социальной роли трудящегося крестьянства и неверия в созидательную способность городского пролетариата. По мысли авторов тезисов, решение экономических проблем России кроется не в диктатуре и компромиссах с внутренней и внешней контрреволюцией, а неотделимо от мировой революции. Тезисы содержали призыв к немедленному выступлению против германского империализма и самому широкому участию рабочих и крестьян в революционном строительстве и борьбе за счет усиления роли и влияния демократических Советов (30).

Вторым обстоятельством, усилившим беспокойство левых эсеров по поводу направленности большевистской политики стало решение Ленина об использовании вооруженной силы для разрешения все более острой продовольственной проблемы в городах. 23 марта Совнарком издал предложенный Лениным декрет о наделении Наркомата путей сообщения и назначенных им ответственных лиц в каждом местном центре неограниченными полномочиями с целью восстановления и обеспечения бесперебойной работы железнодорожного транспорта по всей стране. Декрет также предусматривал создание чрезвычайных отрядов военной охраны для поддержания порядка на железных дорогах (31). Судя по ситуации на Петроградском железнодорожном узле, однако, если не считать появления еще одного слоя неопытных, часто не умеющих пользоваться данной им властью вооруженных людей, мало что было сделано для воплощения этого декрета в жизнь. Во всяком случае, он совершенно точно не предотвратил дальнейшего ухудшения продовольственной ситуации в Петрограде в конце весны и начале лета. Уже в марте дневной рацион петроградских рабочих составлял всего 1082 калории (при норме 3600 калорий). В апреле, мае и июне эти цифры составляли, соответственно, 1013, 899 и 714 калорий в день. Однако даже они не отражали реального положения дел, поскольку часто имеющегося в наличии продовольствия было недостаточно, чтобы восполнить эти нормы. В своих мемуарах, написанных годы спустя, питерский большевик из Выборгского района Василий Каюров вспоминал, что за май рабочие съели большое число городских лошадей, а затем, неделями, единственное, что могли получить большинство рабочих на свои карточки, были семечки и орехи (32).

На заседании Петроградского Совета 9 мая и большевики, и левые эсеры еще надеялись справиться с ситуацией мирными методами (33). Ухудшение продовольственного положения стояло также в повестке дня заседания Делегатского совета большевиков 17 мая (34). Явка делегатов от районных комитетов на это заседание оказалась очень низкой. Но так как ситуация была уже угрожающей и так как прибыл большевистский представитель из Центральной продовольственной управы А. И. Пучков, было решено объявить заседание «частным совещанием» и выслушать, что тот скажет. Объясняя причины продовольственного кризиса, Пучков указал на такие факторы,

как нежелание крестьян отдавать хлеб в обмен на ничего не стоящие бумажные деньги, транспортные трудности и обструкционизм со стороны антисоветских элементов на всех ступенях процесса заготовления, доставки и распределения продовольствия. Не считая возможным решением отмену ограничений свободной торговли и не веря, что можно добыть достаточное количество хлеба с помощью нажима на кулаков, Пучков сделал особый акцент на необходимость производства достаточного количества промышленных товаров для крестьян, создания надежной бартерной системы между городом и деревней, улучшения условий транспортных перевозок и руководства транспортом и создания единой для всей страны классовой системы распределения продовольствия.

Выступление Пучкова оказало деморализующее воздействие лишь на нескольких делегатов, да и то потому, что в существующих условиях топливного и продовольственного кризиса они не видели возможности для производства необходимого для бартера количества промышленных товаров. Другие делегаты смотрели на возможность разрешения кризиса мирным путем менее пессимистически и, помимо мер, предложенных Пучковым, предлагали свои, как-то: изыскание ресурсов, необходимых для развития транспорта, эвакуация безработных в районы с более благополучной, чем в Петрограде, продовольственной ситуацией, развитие рыболовства на Севере, пропаганда разведения огородов в черте города и окрестностях, а также выделение значительного числа рабочих для контроля за продовольственными поставками и пресечения саботажа в соответствующих ведомствах, до тех пор пока им не будет подготовлена надежная замена.

Практически все выступавшие понимали опасность провоцирования паники и то, что предание огласке масштабов кризиса играет на руку контрреволюции. Невысказанной, но сквозившей и в выступлении Пучкова, и в последовавшей дискуссии осталась мысль о том, что выживание Советской власти в Петрограде зависит от улучшения или, по крайней мере, недопущения дальнейшего ухудшения продовольственной ситуации. При этом ни у кого из делегатов не возникло вопроса в правомерности сделанного Пучковым исключительного акцента на ненасильственных методах преодоления кризиса (35).

Подход Пучкова, однако, противоречил подходу Ленина и Совнаркома. 9 мая, заявив, что в то время как потребляющие губернии голодают, «кулаки и богатеи» хлебопроизводящих губерний придерживают значительные запасы зерна в надежде заставить правительство заплатить за него дороже, Совнарком постановил ответить на давление на голодающих бедняков со стороны владельцев зерна давлением на буржуазию. Был принят декрет, предписывающий, что все излишки зерна сверх минимума, необходимого для обсеменения полей и пропитания семей до следующего урожая, должны быть сданы на специальные сборные пункты в течение недели.

Все крестьяне, сохранившие у себя хлебные излишки по истечении данного периода, объявлялись «врагами народа». После ареста они подлежали суду революционного трибунала, который приговаривал их не менее чем к десяти годам каторжных работ, лишению всех прав собственности и исключению навсегда из их общины. Нарком продовольствия Александр Цюрупа и его заместители получили полномочия использовать вооруженную силу для получения излишков. Они могли распустить любой местный продовольственный орган, если он отказывался подчиняться их приказам, и уволить и привлечь к суду любых служащих государственных и частных органов, мешающих их работе (36). Во время обсуждения этого декрета во ВЦИКе в тот же день (9 мая) Карелин, от лица левых эсеров, выдвинул серьезные возражения (37). Однако они были оставлены без внимания. 13 мая декрет был утвержден Президиумом ВЦИК (38).

* * *

Широкомасштабное осуществление ленинской политики нажима на крестьянство с целью накормить голодных рабочих, результатом которой стала почти настоящая война между городом и деревней, началось поздней весной и летом 1918 г. В деревню в хлебопроизводящих губерниях были посланы вооруженные отряды рабочих и красноармейцев (так называемые *продотряды*), чтобы силой оружия отнять у крестьян «излишки». Затем в деревнях стали создавать комитеты деревенской бедноты (*комбеды*), куда не допускались

кулаки и сельские торговцы и предприниматели (39). Главная задача комбедов состояла в том, чтобы помогать продотрядам выявлять хлебные излишки и иным образом способствовать осуществлению продовольственной диктатуры.

Декрет о создании комбедов был одобрен Совнаркомом 8 июня и 11 июня представлен на утверждение ВЦИК. Там он подвергся острой критике со стороны Карелина, который обвинил его в подрыве всей структуры Советской власти в деревне. С его точки зрения, получалось, что выборные крестьянские Советы, которые уже начали создавать у себя продовольственные отделы, должны были теперь перейти в подчинение к совершенно новым, «обособленным», институтам. Кроме того, целый класс мелких землевладельцев, виновных лишь в том, что они хотят сохранить тот минимум зерна, который им необходим для обмена на промышленные товары, попадает в категорию классовых врагов, а их ничтожные «излишки» конфискуются. Крестьян обязуют сдавать зерно по фиксированным ценам, а цены на промышленные товары остаются нефиксированными. Все это, по мнению Карелина, свидетельствовало о предвзятости большевиков, действующих исключительно в интересах рабочих, и их склонности к бюрократической централизации.

С самого начала Ленин стремился мобилизовать в продотряды как можно больше петроградских большевиков и рядовых рабочих, не думая о том, как это скажется на стабильности Советской власти в городе. Так, 10 мая, на следующий день после принятия Совнаркомом декрета об изъятии излишков зерна у крестьян с помощью вооруженной силы, он попросил представителя Путиловского завода передать петроградским рабочим его призыв принять массовое участие в создаваемых продотрядах. Сопровождаемый письменным предписанием Цюрупы использовать все силы, необходимые для добывания хлеба, этот ленинский призыв требовал мобилизации в одном только Петрограде двадцати тысяч рабочих — не всяких, а «по отбору» — для «беспощадного военного похода на деревенскую буржуазию» (40). Вдобавок 21 мая Ленин телеграфировал в адрес Зиновьева и ПК текст открытого письма к петроградским рабочим по поводу мобилизации в продотряды. В этом письме, опубликованном на следующий день в прессе, Ленин призвал немедленно мобилизовать десятки тысяч сознательных петроградских рабочих, чтобы

силой оружия добыть у крестьян хлеб и, тем самым, избежать «протягивающейся костлявой руки голода» (41).

Всего день спустя (22 мая), после очередного бурного заседания ВЦИКа, на котором Карелин и еще один видный левый эсер, Трутовский, вновь подвергли критике отношение большевиков к крестьянству и их безрассудную хлебозаготовительную политику, Ленин написал второе открытое «Письмо к питерским рабочим». В отличие от первого, оно было более агрессивно-настойчивым в агитации рабочих за присоединение к священному походу в деревню и уж точно более паникерским. Но, возможно, самой главной чертой, отличавшей это письмо от предыдущего, была яростная критика левых эсеров. Они отныне были партией слабовольных людей, так же склонных защищать кулаков, подрывать жизненно необходимую политику хлебной разверстки и, тем самым, способствовать падению Советской власти, как и представители внутренней и внешней контрреволюции (42).

Второе письмо Ленина к питерским рабочим было напечатано на первой странице «Красной газеты» 26 мая и вызвало новую вспышку раздражения у петроградских левых эсеров, которые в тот момент тесно сотрудничали с большевиками в коалиционном правительстве Северной коммуны, созданном после съезда Советов Северной области. Атака Ленина пришлась особенно некстати в бывшей столице, поскольку совпала с дальнейшим ухудшением продовольственной ситуации в регионе, ростом недовольства рабочих, нашедшем отражение в активной поддержке Собрания уполномоченных, вспышками антисемитизма среди рабочих и другими тревожными признаками проявления активности правых элементов и возобновлением опасений по поводу германской оккупации, связанной с ситуацией вокруг форта Ино. Все это подчеркивало исключительную важность единства в рядах петроградского руководства, если Советской власти на северо-западе суждено было выжить.

Острейшая редакционная статья в петроградской левоэсеровской газете «Знамя труда» от 28 мая начиналась и заканчивалась яростной критикой бездумной ленинской атаки на левых эсеров. Двумя днями ранее (26 мая) лидеры петроградских левых эсеров и представители районных комитетов партии собрались на свою восьмую городскую конференцию, где ленинское второе письмо, опуб-

ликованное в утренних газетах, вызвало вполне объяснимый взрыв негодования. «Ленин окончательно утратил чувство меры», — кричал один из делегатов. «Он не стесняется ничем, даже извращать факты», — возмущался другой. «Необходимо сдержать зарапортавшегося диктатора!» — призывал третий. Участники конференции приняли резолюцию, в которой заявили, что «Ленин в своей демагогии утратил всякую меру», и призвали левоэсеровский ЦК обратиться к большевистской партии с просьбой немедленно выразить свое мнение по поводу ленинской позиции (43).

Документальных свидетельств о реакции на это обращение мне найти не удалось. Зато возглавляемый Зиновьевым Президиум Петросовета без промедления откликнулся на ленинские призывы. 23 мая, еще до появления второго письма Ленина в прессе, он призвал районные Советы сформировать продовольственные отряды «не позднее 27 мая». К 28 мая списки личного состава этих отрядов необходимо было предоставить в продовольственную комиссию Петросовета. Каждому районному Совету была назначена начальная квота — от 50 до 20 новобранцев (из общего числа 515 новобранцев). На себя Президиум Петросовета брал обязательство обучить и вооружить эти формирования (44). 29 мая этот план был одобрен на экстренном пленарном заседании Петроградского Совета, и 2 июня его Президиум объявил, что первые петроградские продотряды в составе 400 рабочих покинули Петроград (45).

31 мая Петроградское бюро ЦК большевиков выступило инициатором созыва редкого общего совещания партийных лидеров из СК СО, Северного областного и Петербургского комитетов, районных комитетов, профсоюзов и других органов. Главной причиной созыва этого совещания, по-видимому, стала необходимость обсудить полученные из ЦК директивы о восстановлении строгой внутрипартийной дисциплины и, в очередной раз, усилении партийной работы (46). Прежде всего, совещанию надлежало обсудить вопрос о том, как увязать эти требования с настойчивым призывом Ленина о выделении еще большего количества «лучших» партийных кадров для службы в продотрядах (что лишало партийную работу всяких шансов на усиление). Пытаясь как-то разрешить эту дилемму, совещание постановило создать комиссию из трех человек (Зиновьев, Стасова, Равич) с «диктаторскими полномочиями» в области назна-

чения и распределения кадров и определило нормы мобилизации в продотряды для местных партийных организаций (25% от общего числа членов) (47).

5 июня предложение об отправке из Петрограда с продотрядами 25% наиболее эффективных членов партии обсуждало Собрание организаторов Петербургского комитета. Организаторы сосредоточили внимание на негативном влиянии, которое такой огромный отток квалифицированных партийных кадров может оказать на их усилия по восстановлению партийных организаций на предприятиях. Поддержав в целом идею создания продотрядов, они признали цифру 25% нереальной для партийной мобилизации, но, в то же время, призвали районные партийные комитеты сделать все возможное, чтобы отправить в продотряды максимальное количество товарищей (48).

Продотрядная мобилизация стояла в повестке дня заседания ПК большевиков 19 июля, после того как Ленин написал третье письмо к питерским рабочим и передал его с большевиком Каюровым для распространения в Петрограде (49). В этом письме Ленин призывал отправить в деревню для заготовки хлеба дополнительно 10 тысяч рабочих. К тому времени примерно 2,5 тысячи партийных товарищей уже покинули Петроград в составе продотрядов, и это при том, что призыв новобранцев и партийные мобилизации в Красную армию также оттягивали значительное число партийцев из Петрограда (50). Члены ПК проигнорировали масштаб ленинских требований, которые, будучи выполнены в полном объеме, просто обескровили бы партийную организацию и ее самые надежные источники кадров. Однако к самим директивам они отнеслись серьезно, потому что считали, что «от этого зависят все дальнейшие судьбы революции», и постарались принять меры по улучшению качественного состава участников продотрядов, оставив, в то же время, достаточное число компетентных работников в Петрограде, чтобы можно было продолжить важную для партии организационную работу.

Одновременно Каюров представил послание Ленина на заседании исполкома Выборгского районного Совета, который отреагировал на него, делегировав в продотряды нескольких своих ведущих представителей. Впоследствии утвержденная ПК процедура отбора кандидатур, а также тот факт, что Ленин доверил распространение

его письма Каюрову, минуя ЦК в Москве, и петроградское партийное руководство, способствовали расколу в Исполкоме Петроградского Совета. Это заставило Петроградское бюро ЦК собраться 22 июля на совместное с Петербургским комитетом заседание. Резолюция, которая была принята на этом заседании, подтвердила, что участники продотрядов несут двойную ответственность — перед ПК и Президиумом Петросовета. Резолюция также содержала критику Ленина и Зиновьева: первого — за нарушение организационной процедуры (передачу письма через Каюрова, минуя партийные структуры), а второго — за публичные нападки на ПК в Исполкоме Петроградского Совета (51).

Что касается левых эсеров, то ЦК их партии запретил своим членам вступать в «карательные отряды», как они называли продотряды (52), и в Петрограде этот запрет соблюдался. Однако, следуя своей практике избегать серьезных конфликтов с большевиками, петроградские левые эсеры не стали делать проблему из большевистской хлебозаготовительной политики. Так, на заседании Петроградского Совета, где эта политика получила одобрение, их докладчик ограничился рекомендацией также послать в деревню агитаторов, которые будут разъяснять, что происходит, а остаток времени потратил на критику меньшевиков и правых эсеров (53).

10 июня СК СО издал декрет, которым упразднил существующую бюрократическую систему продовольственных поставок и ввел в Петрограде централизованную продовольственную диктатуру. Вся ответственность за поставки и распределение продовольствия сосредоточивалась в руках Наркомата продовольствия в Москве и Петроградского Совета. Кроме того, районные Советы получили право выдвигать кандидатуры на посты в продовольственных органах в своих районах (54). Оба этих отступления от московских директив явились реакцией на реалии и проблемы, волновавшие местных большевиков и левых эсеров. Действительно, одним из самых интересных моментов во всем этом эпизоде было то, насколько ярко он демонстрировал стремление петроградских левых эсеров и большевиков избегать, несмотря на все разногласия в политических, социальных и экономических вопросах, жесткой полемики во имя концентрации усилий на решении важнейших проблем, определяющих выживание Советской власти на северо-западе.

* * *

В июне, частично благодаря сдерживающему влиянию левых эсеров, особенно Прошьяна, большевистское руководство Петрограда всячески противилось введению «красного террора» как меры пресечения контрреволюционной деятельности (55). Более того, в середине июня комиссар по внутренним делам Прошьян, с самого начала откровенно враждебно относившийся к институту ЧК, разработал всесторонний план организации охраны порядка в Петрограде, который включал использование профессиональной «гвардии» Комитета революционной охраны Петрограда, действующей на городском и районном уровне, и рядовых граждан, периодически привлекаемых к исполнению функций по охране порядка по месту жительства. Из последних Прошьян планировал создавать невооруженные патрули, которые должны были нести круглосуточное дежурство по городу. Их главной задачей было сообщать обо всех признаках преступной, в том числе подозрительной политической, деятельности профессиональной полиции для принятия соответствующих мер. При всей своей нереалистичности этот план демонстрировал отсутствие необходимости в таких специфических органах, как ПЧК (56).

Есть резонные основания полагать, что в это время взгляды Урицкого на ПЧК совпадали с взглядами Прошьяна. Взять хотя бы тот факт, что ее буквально наводнили спекулянты. 20 апреля в письме в Москву Новгородцевой Елене Стасова, в ответ на недовольство Центрального Комитета сложившимся в Петрограде негативным отношением к ЧК, заметила: «Если бы мы считали, что обе комиссии [в Москве и в Петрограде] абсолютно не имеют ничего положительного, то мы тотчас же подняли бы немедленную кампанию против них и добились бы их ликвидации... Критика существующего всегда необходима». «Не знаю, как Дзержинский, — продолжала она, — а Урицкий определенно говорит, что в смысле борьбы со спекуляцией они постоянно наталкиваются на то, что нити приводят именно к ним на Гороховую, которая, таким образом, является центром спекуляции» (57).

Две другие причины, по которым, вероятно, Урицкий не возражал против распуска ПЧК, заключались в том, что руководство этим органом претило ему и, что более важно, его отношения с Дзержин-

ским, его патроном, были весьма напряженными. Отношения между ними испортились еще в самом начале, из-за той невозможной ситуации, которую оставила после себя ВЧК, спешно переехав в Москву. Неоднократные обращения Урицкого к Дзержинскому с просьбой вернуть следственные дела на заключенных ЧК в Петрограде были им проигнорированы. Но самое главное, Урицкий считал расстрелы, применяемые ВЧК, контрпродуктивными, а ее методы дознания — отвратительными (58).

Со своей стороны, Дзержинский был возмущен имевшим место в начале июня фактом ареста Урицким Алексея Филиппова, одного из первых чекистских агентов внешней разведки, и его помощника по подозрению в причастности к контрреволюционной организации «Каморра народной расправы» (59). Но, что было более существенно, Дзержинский знал о курсе на умеренность, взятом главой ПЧК после отъезда ВЧК в Москву, и считал Урицкого слишком самостоятельным и слишком мягким для занимаемой должности. В середине апреля, например, он был возмущен, узнав, что ПЧК отпустила на свободу нескольких заключенных, которых он приказал выслать бессрочно из России по подозрению в шпионаже (60). Беспокойство Дзержинского по поводу Урицкого нашло отражение в решениях, принятых 12 июня на заседании большевистской фракции Первой всероссийской конференции чрезвычайных комиссий, которая собралась в Москве 11–14 июня, чтобы обсудить особенно щекотливые политические и организационные вопросы (61). В принятой фракцией резолюции содержалось указание на необходимость пользоваться секретными сотрудниками; «изъять из обращения» видных и активных лидеров контрреволюционных партий (kadетов, правых эсеров и меньшевиков); установить слежку за генералами и офицерами; взять под наблюдение командный состав и другие структуры Красной армии; применить меру расстрела к особо злостным контрреволюционерам, спекулянтам, грабителям и взяточникам. Следуя духу этой жесткой линии, фракция постановила обратиться к ЦК партии с предложением отзвать Урицкого с его поста и заменить его «более стойким и решительным товарищем, способным твердо и неуклонно проводить тактику беспощадного пресечения и борьбы с враждебными элементами, губящими Советскую власть и революцию» (62). Председательствовал на заседании фракции Иван Полу-

каров — одна из центральных фигур в ВЧК, благодаря занимаемой им важной должности главы отдела по борьбе с контрреволюцией. Едва ли вероятно, чтобы Полукаров смог самостоятельно провести любое крупное решение на уровне большевистской фракции, тем более решение об отстранении Урицкого, без предварительного одобрения его Дзержинским.

Однако проблема была не только в Прошьяне и Урицком. Есть указания на то, что их взгляды на будущее ПЧК разделяли большинство членов Петроградского бюро ЦК большевиков, некоторые петроградские районные Советы, а также комиссар юстиции СК СО Крестинский. Еще 13 апреля Петроградское бюро ЦК рассмотрело резолюцию, предложенную Иоффе и рекомендующую Центральному Комитету упразднить ВЧК и ПЧК, поскольку они «более вредны, чем полезны». За резолюцию, в конце концов, проголосовал только сам Иоффе. Но самым показательным было то, что бюро затем приняло решение «временно не возбуждать дела против существования комиссии Дзержинского и Урицкого, ввиду того что это является только красивым жестом с нашей стороны» (63).

Оппозиция ПЧК со стороны ряда районных Советов возникла во время обсуждения плана организации безопасности Петрограда на заседании Междурайонного совещания 22 мая (64). В этот период петроградские районные Советы были озабочены больше всего сохранением собственной власти над своею территорией. Поэтому они враждебно относились к иерархически выстроенной ПЧК и строили планы реструктуризации Комитета революционной охраны Петрограда, с тем чтобы предоставить ему и его районным подразделениям главную ответственность за борьбу с контрреволюцией, спекуляцией и уголовными преступлениями на местах (65).

Что касается отношения Крестинского к ПЧК, то ключ к пониманию его дают сообщения в прессе о совещании высших руководителей Комиссариата юстиции, состоявшемся 20 июня. Согласно газетной информации, которая не была опровергнута, совещание было созвано с целью рассмотреть работу «комиссии Урицкого» и реформировать следственный отдел Комиссариата. Однако дискуссия на совещании свелась в основном к обсуждению проблем ПЧК. В результате было вынесено решение «комиссию Урицкого ликвидировать» (66).

Нетрудно представить, как был обеспокоен Дзержинский, когда два дня спустя до него дошли эти газетные сообщения. Его собственное видение исключительной роли ЧК в сравнении со всеми другими органами безопасности нашло отражение в решении июньской конференции чрезвычайных комиссий страны взять на себя все бремя беспощадной борьбы с контрреволюцией, спекуляцией и злоупотреблениями чиновников по всей России. Отражением этого видения стали также решение конференции о роспуске всех прочих органов безопасности и ее заявление о том, что чрезвычайные комиссии являются высшими органами административной власти Советской России. И вот, несмотря на эти решения, делающие ЧК единственным органом защиты внутренней безопасности России, и утвержденную на этой же конференции независимую, жесткоиерархическую структуру подчинения, ЧК во втором по значимости городе России оказалась на грани несогласованного роспуска (67). После обсуждения этой ситуации с членами коллегии, Дзержинский направил Зиновьеву телеграмму, в которой предельно ясно выразил свое несогласие с роспуском ПЧК. «В газетах имеются сведения, — говорилось в телеграмме, — что Комисариат юстиции пытается распустить Чрезвычайную комиссию Урицкого. Всероссийская Чрезвычайная Комиссия считает, что в настоящий наиболее обостренный момент распускать таковой орган ни в каком случае не допустимо, напротив, Всероссийская конференция чрезвычайных комиссий, по заслушании докладов с мест о политическом состоянии страны, пришла к твердому решению о необходимости укрепления этих органов при условии централизации и согласованной их работы[.] О вышеупомянутом комиссия В.Ч.К. просит сообщить товарищу Урицкому» (68). Как будет указано ниже, в начале июля, после убийства Володарского и появления грозных признаков массовых волнений, советское руководство Петрограда направило Дзержинскому ответную телеграмму, в которой опровергло сообщения в прессе о роспуске ПЧК (69).

* * *

Влияние левых эсеров в СК СО значительно превышало их численность (4 из 13 комиссаров). Взять, к примеру, отличавшегося независимым мышлением и импульсивностью Проша Прошьяна. В быт-

ность свою народным комиссаром центрального правительства (с декабря 1917 г. до середины марта 1918 г.), Прошьян яростнее всех нападал на Ленина и его сторонников, когда политика и практика большевиков приходили в столкновение с левоэсеровскими принципами. После ратификации Брестского мира он последовательно отстаивал необходимость выхода левых эсеров из Совнаркома, что, по его мнению, было неотъемлемой частью стратегии международной революции. Получив пост комиссара внутренних дел в правительстве Северной коммуны, второй по значению после председателя — Зиновьева, Прошьян обнаружил, что его комиссариат не является пока работающим органом (70). Однако, за короткий срок своего комиссарства он приложил колоссальные усилия, чтобы превратить его в эффективный административный институт, слаженно действующий в региональном масштабе. Главным шагом в этом направлении стал организованный им в начале июня съезд представителей отделов внутренних дел Советов Северной области (71). На нем была одобрена организационная структура Комиссариата внутренних дел и территориальных отделов внутренних дел вплоть до волостного уровня (72). 15 июня ЦИК Северной области одобрил его организационный план (73). Веденная при Прошьяне организационная структура продолжала существовать и после его ухода с поста комиссара внутренних дел. Так же, как и в бытность его наркомом почт и телеграфов в Совнаркоме, он заменил враждебно настроенный персонал лояльными к Советской власти сотрудниками, многие из которых были левыми эсерами. О значимости его фигуры в Северной коммуне говорило то, что многие декреты этого периода были изданы за подписью его и Зиновьева. Его назначение в начале июня в состав чрезвычайной и полномочной внутриправительственной тройки также свидетельствовало о важности его фигуры. Тройка была сформирована для борьбы с контрреволюционной погромной деятельностью, которую вели в рабочей среде правые группы, а также с угрозой Советской власти со стороны новых оппозиционных сил, таких как Собрание уполномоченных (74).

Не менее деятельным, энергичным и амбициозным руководителем был занимавший пост комиссара земледелия левый эсер Николай Корнилов. Как и Прошьян, он был вынужден создавать свой департамент с нуля, однако его работу, возможно, несколько облег-

чила сформированная за несколько недель до его назначения специальная комиссия при СК СО по разработке плана организации Комисариата земледелия (75). 23 мая, вскоре после вступления в должность, Корнилов разослал по земледельческим отделам Советов Северной области четко сформулированный программный меморандум. Целью его, помимо объявления о создании данного комисариата и стремления наладить взаимополезные связи с отделами Советов, было довести до них свою главную задачу: подготовить, в тесном сотрудничестве с ними, проведение в жизнь левоэсеровской программы фундаментальных земельных реформ. В этой связи он наметил ряд насущных задач, таких как реорганизация растениеводства, животноводства и лесоводства; улучшение почв; переселение и просвещение сельских жителей; а также сбор устной и письменной информации, имеющей отношение к решению этих задач. Также он объявил о намерении создать под своим руководством «временный земельный совет», в состав которого вошли бы члены его коллегии и выборные, наиболее компетентные представители земледельческих отделов губернских Советов, чтобы совместными усилиями разрабатывать планы реформы, отвечающие местным реалиям (76). За время пребывания Корнилова в должности были разработаны подробные установления, касающиеся всех сторон организации и деятельности Комисариата земледелия и его подразделений на местах (77). Кроме того, им были созданы плановая и бюджетная процедуры, подразумевающие немедленное исполнение. Явно рассчитывая на продолжительное пребывание в должности, он распорядился подготовить подробный бюджет на весь 1918/1919 финансовый год (78). Следует также отметить, что его внутриведомственные инструкции показывают, что он был въедливым и жестким руководителем (79).

Большевики и левые эсеры работали также рука об руку в таких организациях, как Петроградский Совет и районные Советы. К этому времени большевики, поддержанные левыми эсерами, имели большинство во всех петроградских районных Советах, кроме одного. Исключением был Рождественский Совет, в котором большинство принадлежало левым эсерам. Эта взаимная поддержка длилась почти до середины лета. Так, 3 июля, на заседании беспартийной конференции в Пороховском районе, левый эсер выступил с защитой большевиков от критики со стороны меньшевиков и эсеров (80).

Хотя, по его мнению, большевики были не правы, приняв Брестский мир, но «не ошибается тот, кто ничего не делает», добавил он. «Мы можем временно расходиться с большевиками, но мы идем вместе, тесно связанные», — выразил он затем типичное и, что немаловажно, *публичное*, отношение левых эсеров к большевикам в Петрограде (81).

В начале мая газета «Известия», орган Петроградского Совета, была переименована в «Северную коммуну»; в составе ее редакции было два большевика и один левый эсер. Относительно спокойные, рабочие отношения между большевиками и левыми эсерами в Петрограде в период трудностей весны и начала лета 1918 г. резко контрастировали с ситуацией, сложившейся в Москве. Конечно, московские левые эсеры продолжали работать в коллегиях отдельных наркоматов, в городском и районных Советах и в ВЧК. Однако, если в их газете «Знамя труда» внутренняя и внешняя политика большевиков ежедневно подвергалась самой острой критике, то в «Знамени борьбы» (петроградском органе левых эсеров) критика политики большевиков — за исключением нападок на Брестский мир и хлебную разверстку — была относительно мягкой, осторожной и приглушенной. Значительно больше внимания петроградские левые эсеры уделяли критике общих с большевиками внутренних и внешних врагов, особенно Собрания уполномоченных.

Когда видные деятели партии левых эсеров приезжали из Москвы в Петроград, они были озабочены не столько выискиванием ошибок большевиков, сколько защитой Советской власти, а иногда и самих большевиков. Мария Спиридонова провела в Петрограде несколько дней в начале июня; главной целью ее визита было участие в работе Первого съезда партии левых эсеров Северной области. Пару недель спустя вместе с Борисом Камковым она участвовала в избирательной кампании блока левых эсеров с большевиками на выборах в Петросовет (82). Как видно из выступлений СпиридоНОвой на заседаниях крестьянского отдела ВЦИКА и ЦК партии левых эсеров перед поездкой, она была глубоко разочарована Брестским миром и резко отрицательно относилась к большевистской политике хлебозаготовок — прежде всего, из-за ее губительного воздействия на крестьянство. Однако, будучи в Петрограде, во время бесконечных митингов и заседаний, она старалась не давать выхода своему

растущему негодованию по поводу большевистской политики и практики. Напротив, она призывала своих слушателей, обычно рабочих, не слушать меньшевиков и эсеров с их требованиями о созыве Учредительного собрания; очнуться от политической летаргии и сконцентрироваться на главной задаче — восстановлении промышленного производства и продолжении борьбы с буржуазией. Меньшевики и эсеры изо всех сил эксплуатировали тему голода, чтобы настроить массы против Советской власти и партии большевиков, которая, говорила Спиридонова, «несет бремя государственного управления, пытаясь защитить до конца завоевания народа» (83). Учредительное собрание не даст народу ничего, кроме нового порабощения. С другой стороны, Советская власть представляет собой первый опыт в истории, когда рабочие и крестьяне правят сами, в своих собственных интересах. Выживание этой власти невозможно без суровой дисциплины и длительного периода страданий и жертв. Зато конечный результат будет во всех отношениях прекрасным (84).

Красной нитью через все выступления Спиридоновой этого периода проходила мысль о том, что Европа находится накануне грандиозного революционного взрыва, и что терпение по отношению к германскому империализму достигло крайней точки. Однако в тот момент, когда германские войска угрожали Петрограду, едва ли многие из ее слушателей уловили разницу между этой ее мыслью и призывами большевистских властей бывшей столицы крепить оборону города. В некоторых своих выступлениях Спиридонова высказывалась резко против сотрудничества с капиталистами в любой форме (85). Но, несмотря на недавние выпады Ленина против левых эсеров, она не стала связывать эту критику с его именем.

В целом, руководство партии левых эсеров в Москве было гораздо более сочувственно настроено по отношению к СК СО, чем их коллеги и большевистской партии. С момента его (СК СО) создания центральный Совнарком оставался неизменно холoden к призывам о финансовой помощи из Петрограда. Более того, нарком внутренних дел Григорий Петровский упорно отказывался признать само существование Северной коммуны. Так, 22 мая заместитель Петровского Мартин Лацис провокационно писал: «Об образовании Северной области центральной власти известно только по газетам и случайным бумагам, поэтому центральная власть не могла считаться с Северной

коммуной и не приняла никаких мер к урегулированию отношений» (86). К тому же, еще до того как Зиновьев получил возможность ответить на это послание, Петровский разослал подобные меморандумы по шести губерниям Северной области (87). Выпады такого рода продолжались месяцами.

Проблемы с Петровским были не только у Зиновьева. Губернские Советы и главы отдельных комиссариатов в Петрограде тоже испытывали трудности. Особенно несладко приходилось Прошьянну — как комиссару внутренних дел и левому эсеру. Заняв свой пост, Прошьян направил Петровскому просьбу вести всю переписку с губернскими Советами и другими официальными институтами Северной области только через него. В этой телеграмме Прошьян также просил Петровского выслать ему все имеющиеся в центре данные по губернским Советам Северной области (88). Некоторое время спустя, вслед за телеграммой, Прошьян направил Петровскому письмо, в котором поднял важные бюджетные вопросы и еще раз настойчиво просил, чтобы «ни одно дело и ни одна ссуда для губерний Петроградской, Псковской, Новгородской, Олонецкой, Вологодской и Архангельской не выдавалась непосредственно, помимо Комиссариата по внутренним делам Северной области». Кроме того, он просил направить ему копии всех информационных материалов по Северной области, а также декретов и директив Петровского, касающихся назначения денежных пособий и создания сил внутренней безопасности (89). Ответов Петровского на эти послания мне найти не удалось.

Для оправдания своей позиции в отношении Северной коммуны Петровский использовал множество предлогов. Когда один исчерпал себя, он находил другой. Так, сначала он оправдывался тем, что не может признать областное правительство, прежде чем его одобрят ВЦИК (90). Когда же требуемое одобрение было получено, он заявил, что его руки связаны, до тех пор пока он не получит официального подтверждения желания присоединиться к коммуне от всех губернских Советов области (91). Ясно, что этот конфликт являлся отражением неприязни центрального правительства (в особенности Ленина) к полуавтономным областным объединениям и ленинской тяги к предельной централизации. И напротив, одобрение руководством партии левых эсеров децентрализованных принципов правления помогают объяснить их поддержку Северной коммуны.

* * *

Созданное Первым съездом Советов Северной области большевистско-левоэсеровское коалиционное правительство — СК СО — работало эффективно и относительно слаженно, несмотря на стойкую антипатию левых эсеров к Брестскому миру и ряду последовавших за ним, далеко не самых благоприятных, явлений и событий. Среди наиболее важных из них были глубокая неприязнь левых эсеров к «государственному капитализму», провозглашенному Лениным в «Очередных задачах Советской власти», грубый подход Ленина к хлебозаготовкам и недовольство левых эсеров его несвоевременными публичными нападками на них, а также отказ наркома внутренних дел Петровского даже признавать Северную коммуну.

Успех коалиции отчасти объяснялся кадровым дефицитом, который испытывали большевики и который только усугублялся бесконечными и все более настойчивыми требованиями Ленина о мобилизации членов партии в Красную армию и в продотряды. Так что, левые эсеры были нужны петроградским большевикам. Однако главные причины прочности коалиции заключались в общности взглядов лидеров петроградских большевиков и левых эсеров на некоторые вещи (в частности, общей неприязни Прошьяна, Урицкого и Крестинского к ЧК), в эффективности и организаторском таланте таких членов правительства, как левые эсеры Прошьян (комиссар по внутренним делам) и Корнилов (комиссар земледелия), и в способности петроградских левых эсеров закрыть глаза на фундаментальные разногласия с большевиками во имя общей цели — выживания Советской власти на северо-западе России.

Для Советской власти в регионе период с середины марта до июля 1918 г. был временем непрерывных трудностей и проблем. То, что она сумела выжить, не прибегая к террору, было во многом результатом эффективного сотрудничества петроградских большевиков и левых эсеров и их взаимнойдержанности по отношению друг к другу. Разрыв большевистско-левоэсеровского союза в Петрограде и Северной области был обусловлен московскими событиями и директивами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ЦГА СПб. Ф.143. Оп.1. Д.3. Л.5–6.

2 РГАСПИ Ф 17. Оп 4 Д 11 Л 24–26 В письме Новгородцевой в Москву Стасова писала «Мало сказать, что Питер не столица. Пока народ привыкнет, что Москва столица, пройдет не один месяц и не два и, вероятно, даже не год! Сколько времени прошло, пока Москва уступила пальму первенства Питеру!».

3 Протокол заседания Петроградского бюро ЦК от 13 апреля показывает, что, заслушав доклады Зиновьева, Лашевича и Иоффе о плане, бюро в полном составе пришло к заключению, что поездка была напрасной, что на деле никакого плана и не было, так как Ленин и Сталин отсутствовали, а Троцкий появился лишь на короткое время, и что не только партийное руководство, но и центральное правительство в Москве пребывает в беспорядочном состоянии. В связи с этим бюро приняло единогласное решение «виду отсутствия в Москве партийной работы и необходимости сохранения и укрепления партийного аппарата, Петроградскому бюро ЦК работать в всесоюзном масштабе» — РГАСПИ Ф 466 Оп 1 Д 1 Л 10

4 РГАСПИ Ф 466. Оп 1 Д 1 Л 2–2об

5. ЦГАИПД Ф 1. Оп 1 Д 107 Л 3 См Хмелевский В П Северный областной комитет РКП(б) — Л, 1972. С.32–35

6 Хмелевский Указ. соч. С 36–38 По поводу этой конференции см РГАСПИ Ф 67 Оп 1 Д 1

7. Роляков М. Союз коммун Северной области //Хозяйство Северо-западного края 1927 №9 С 13

8 ГАРФ Ф 130 Оп 2 Д 342 Л 4

9 ЦГА СПб Ф 144 Оп 1 Д 1. Л 7 Об этом решении Зиновьев проинформировал товарищ из Петроградского бюро ЦК Президиума правительства принимать такие важные политические решения без обсуждения с руководящим партийным органом ни у кого в бюро вопросов не вызывала — РГАСПИ Ф 466 Оп 1 Д 1 Л 10об

10 ЦГА СПб Ф 143 Оп 1 Д 3 Л 11

11 Стенограмму 2-го съезда партии левых эсеров см в РГАСПИ Ф 564 Оп 1. Д 1–3 (опубл. в сборнике Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы Т.1 С.210–672)

12 Партия левых социалистов-революционеров Т 1 С 241–242

13 См выше, глава 9

14 ЦГА СПб Ф 144 Оп 1. Д 1 Л 41, ГАРФ Ф 130 Оп 2 Д.342. Л 25

15 Эта работа Ленина впервые обсуждалась на заседании ЦК большевиков 26 апреля, на следующий день после выступления Зиновьева на съезде Советов Северной области. Тем не менее, основные пункты зиновьевской речи отразили главное направление ленинской работы и проводимой Совнаркомом после Четвертого съезда Советов политики

16 ЦГА СПб Ф 143 Оп 1 Д 3 Л 8–12.

17 РГАСПИ Ф 67 Оп 1 Д 106 Л 58–59

18 Решение о включении левых эсеров в состав правительства было принято СК ПТК 27 апреля — ЦГА СПб Ф 144 Оп 1 Д 1 Л 41

19 ЦГА СПб Ф 143 Оп 1 Д 3 Л 43–48

20 См выше, глава 8

21 ЦГА СПб Ф 143 Оп 1 Д 3 Л 47–48 Как мы видели, уменьшение власти Совнаркома в области принятия политических решений и установление в ней приоритета ВЦИКа и всей системы Совсов-исполнкомов сверху донизу было одной из главных задач

левых эссеев, начиная с ноября 1917 г. Эта структура отразила взгляды левоэссеевского руководства на первостепенную роль ВЦИКа в развитии советской демократии после Октября и нашла воплощениис в проекте Советской Конституции, одобренном Третьим съездом партии левых эссеев в конце июня 1918 г — РГАСПИ Ф 71 Оп 34 Д.224 Л 75

22 ЦГА СПб Ф 143 Оп.1. Д 3 Л.52

23. Новая жизнь 1918 30 апреля С 3.

24 Известия Петроградского Совета 1918 11 мая С 1 В качестве примсра совсменного критического взгляда на созданиес СК СО см Чистиков А.Н. У кормила власти //Петроград на переломе эпох Под ред. В.А. Шишкина. С 29–31

25 ЦГА СПб. Ф 142 Оп.1 «Справка». Л 5, Ф 143 Оп.1 Д.2 Л.6

26 См по этому поводу Гоголевский А.В Петроградский Совет в годы гражданской войны. — Л., 1982. С.60.

27 Протоколы заседаний Всероссийского центрального исполнительного комитета 4-го созыва С 206–219

28. В сжатом видс анализ различий между взглядами Ленина и «левых коммунистов» на проблемы внутренней политики, которыес были аналогичны различиям между Лениным и Левыми эссеями, см Cohen Bukharin and the Bolshevik Revolution P.69–78.

29. Протоколы заседаний Всероссийского центрального исполнительного комитета 4-го созыва С 222–223

30 Знамя борьбы 1918 8 мая. С 4

31 Декрты Советской власти Т 2 С 18–21.

32 Декрты Советской власти о Петрограде, 1917–1918 гг С.171

33. Известия Петроградского Совета. 1918. 10 мая С.2–3, 11 мая. С.2–3.

34 О создании Делегатского совета см. выше, глава 6.

35. ЦГАИПД Ф 4000 Оп 7. Д 820 Л 68–88

36 РГАСПИ Ф 19 Оп 1. Д 112

37 Протоколы заседаний Всероссийского центрального исполнительного комитета 4-го созыва С.254–256

38 Декрты Советской власти Т.2 С 264–266

39 Поскольку крестьянс вступали в комбесды неохотно, в их составе оказалось большое количество пришлых работников, дезертиров, демобилизованных солдат и перебравшихся в деревню недавних рабочих

40 Владимир Ильич Ленин Биографическая хроника Т 5 С 442, Иванов А В Путиновский рабочий на присмы у Ильича //Воспоминания о В.И. Ленине Т 2 — М , 1957 С.336–338

41 Красная газета. 1918 22 мая С 1

42 Там же 26 мая. С 1.

43. Знамя борьбы. 1918. 28 мая. С.4.

44. Красная газета. 1918 23 мая. С.2.

45 Известия Петроградского Совета 1918 30 мая. С 2, 31 мая. С.3

46 Эти директивы содержались в двух циркулярных письмах, рассылаемых Центральным Комитетом всем партийным организациям во второй половине мая — Переписка секретариата ЦК РСДРП(б)-РКП(б) с местными партийными организациями Т 3 С 72–74, 81–83

47 РГАСПИ Ф 17 Оп 4 Д 11 Л 52об

48 ЦГАИПД Ф 1. Оп 1 Д 66 Л 21–21об, Ф 4000 Оп 7. Д 814 Л 67–70

49 ЦГАИПД Ф 4000 Оп 7 Д 814 Л 175–178, 202, Ф 1 Оп 1 Д 54 Л 32 Текст ленинского письма см Ленин В И Полн собр соч Т 36 С 521–522.

50 См ниже, глава 12

51 ЦГАИПД Ф 1 Оп 1 Д 54. Л 33, РГАСПИ Ф 17 Оп 4 Д 59 Л 15

52. РГАСПИ Ф 564 Оп 1 Д 11 Л 17об-18

53 Известия Петроградского Совета 1918 31 мая С 2

54 Сборник декретов и постановлений по Союзу коммун Северной области Вып 1 Ч 1 С 319

55 По этому вопросу см ниже, глава 12, а также Рабинович Моисей Урицкий Робеспьер революционного Петрограда С 8-9

56 См комментарии Прошьяна к его плану в газете Новыи ведомости 1918 18 июня С 7 Протоколы заседаний президиума Комитета революционной охраны Петрограда свидетельствуют, что он разделял негативное отношение Прошьина к ПЧК См, напр., ЦГА СПб Ф 73 Оп 1 Д 4 Л 16, 17, 20-20об, 25

Поначалу руководители ВЧК также старались принципиально избегать «методов охранки» использования тайных агентов, агентов-провокаторов и т д Как и Прошьян, они надеялись, что им будет достаточно бдительных рабочих, служащих «глазами и ушами» ВЧК — *Лайтс* Отчет Всероссийской чрезвычайной комиссии за четыре года ее деятельности С 11 По этому вопросу см также Леонов Рождение Советской империи С 248-249

57 РГАСПИ Ф 17 Оп 4. Д 11 Л.24-26. По крайней мере, некоторые из тех, кто слышал выступление Урицкого по вопросам безопасности в Петрограде в конце мая, пришли к выводу, что он ищет оправданий для распуска ПЧК См, напр., комментарии Сергеева на заседании президиума Комитета революционной охраны Петрограда 23 мая в ЦГА СПб Ф 73 Оп 1 Д 3 Л 35

58. Возмущение Урицкого последними нашло отражение в письме без даты, посланном им Дзержинскому. Поводом для этого письма послужили оказавшиеся в его распоряжении показания некоего 14-летнего Всеволода Аносова, допрашивая которого, следователи ВЧК в Москве применяли грубые угрозы и запугивание Урицкий выразил протест против инцидента и потребовал от Дзержинского провести расследование его и призвать к ответу упомянутых Аносовых следователей — РГАСПИ Ф 76 Оп 3 Д 10 Л 1-1об

59. Краткий очерк по делу о «Каморре», основанный на документах ЧК, см Рабинович Моисей Урицкий Робеспьер революционного Петрограда С 7-8 О Филиппове см Очерки истории внешней разведки Под ред Е М Примакова Т 2 — М, 1997 С 19-24

60 ЦГА СПб Ф 142 Оп 9 Д 1 Л 34

61 Судя по протоколам конференции, ни Урицкий, ни другой от ПЧК на нее не присутствовали См ЦА ФСБ РФ Ф 1 Оп.3 Д 11

62 РГАСПИ Ф 17 Оп 4 Д 194 Л 3-3об

63 Там же. Ф 466. Оп 1. Д 1 Л 9-10.

64 ЦГА СПб Ф 73 Оп 1 Д 1 Л.150, Новая жизнь (Петроград) 1918 23 мая С 3

65 См, напр., ЦА ФСБ СПб и ЛО №30377 Т 3 Л 310-320

66 Новая жизнь (Петроград) 1918 22 июня С 3, Новые ведомости 1918 22 июня С 3

67 ЦА ФСБ РФ Ф 1 Оп 3 Д 11 Л 77-78

68 ЦГА СПб Ф 143 Оп 1 Д 49 Л 50

69 См ниже, глава 12

70 См изложение доклада Прошьина на Восьмой городской конференции петроградских левых эсеров 26 мая в газете Знамя борьбы 1918 28 мая С 4

71 Знамя борьбы 1918 8 июня С 3 О ключевом значении этого совещания в развитии Комисариата внутренних дел СК СО (без ссылки на Прошьина) говорил в своем докладе 20 октября 1918 г один из его пресс-ников — ЦГА СПб Ф 143 Оп 4 Д 4 Л 2 О важной роли, которую играл в петроградском правительстве Комисариат внутренних

дсл при Прошьянс, см. выступленис дслгата от Петрограда Каспаряна на Третьем съездс партии левых эссров в июнс 1918 г — РГАСПИ Ф 564 Оп 1 Д 4 Л 166

72 Знамя борьбы 1918 12 июня. С 3, Северная коммуна 1918 13 июня С 6

73 ЦГА СПб Ф 143 Оп 3 Д 6 Л 5об-6

74 Северная коммуна 1918 5 июня С 1, Знамя борьбы 1918 4 июня С 3, 5 июня. С 1 Помимо Прошьяна в состав тройки вошли Урицкий и главный комиссар Петроградского воинного округа большевик Михаил Лашевич

75 О назначении этой комиссии см. указатель к фонду Комисариата земледелия СК СО ЦГА СПб Ф 8957

76 ЦГА СПб Ф 8957 Оп 1 Д 3 Л 1, 1об

77 Там же Ф 143 Оп 1 Д 40 Л 4–15

78 Там же Ф 9857. Оп 3 Д 13 Л 3–3об

79 Там же Оп 1 Д 10 Л 16

80 На беспартийной конференции в Пороховском районе умеренные социалисты были особенно сильны

81 ЦГА СПб Ф 511 Оп 1 Д 1 Л 13об

82 *Митштейн А Л* Рабочие Петрограда в борьбе за укрепление Советов Первыеборы Петроградского Совета в июнс 1918 г //Рабочие Ленинграда в борьбе за победу социализма — М -Л., 1963 С.152

83 Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов 1-го городского района С 255

84 Там же С 258

85 См. , напр , Знамя борьбы. 1918. 7 июня С 4

86 ГАРФ Ф 393 Оп 2 Д 70 Л 185–185об

87 Там же Оп 1. Д.58 Л.150

88 Там же. Л 90

89 Там же Л 45

90 ЦГА СПб. Ф 143 Оп 1 Д 9 Л 245

91 Там же Л 232, 234